

Выбираю деревню на жительство. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://shukshinvasiliy.ru/> Приятного чтения!

Выбираю деревню на жительство. Василий Макарович Шукшин

Некто Кузовников Николай Григорьевич вполне нормально и хорошо прожил. Когда-то, в начале тридцатых годов, великая сила, которая тогда передвигала народы, взяла и увела его из деревни. Он сперва тосковал в городе, потом присмотрелся и понял: если немного смекалки, хитрости и если особенно не залупаться, то и не обязательно эти котлованы рыть, можно прожить легче. И он пошел по складскому делу – стал кладовщиком и всю жизнь был кладовщиком, даже в войну. И теперь он жил в большом городе в хорошей квартире (отдельно от детей, которые тоже вышли в люди), старел, собирался на пенсию. Воровал ли он со складов? Как вам сказать... С точки зрения какого-нибудь соплика с высшим юридическим образованием – да, воровал, с точки зрения человека рассудительного, трезвого – это не воровство: брал ровно столько, сколько требовалось, чтобы не испытывать ни в чем недостатка, причем, если учесть – окинуть взором – сколько добра прошло через его руки, то сама мысль о воровстве станет смешной. Разве так воруют! Он брал, но никогда не забывался, никогда не показывал, что живет лучше других. Потому-то ни один из этих, с университетскими значками, ни разу не поймал его за руку. С совестью Николай Григорьевич был в ладах: она его не тревожила. И не потому, что он был бессовестный человек, нет, просто это так изначально повелось: при чем тут совесть! Сумей только аккуратно сделать, не психуй и не жадничай и не будь идиотом, а совесть – это... знаете... Когда есть в заглазнике, можно и про совесть поговорить, но все же спится тогда спокойней, когда ты все досконально продумал, все взвесил, проверил, свел концы с концами – тогда пусть у кого-нибудь другого совесть болит. А это – сверкать голым задом да про совесть трещать, – это, знаете, неумно.

Словом, все было хорошо и нормально. Николай Григорьевич прошел свою тропку жизни почти всю. В минуту добрую, задумчивую говорил себе: "Молодец: и в тюрьме не сидел, и в войну не уколошили".

Но была одна странность у Николая Григорьевича, которую он сам себе не сумел бы объяснить, наверно, если б даже захотел. Но он и не хотел объяснять и особенно не вдумывался, а подчинялся этой прихоти (надо еще понять, прихоть это или что другое), как многому в жизни подчинялся.

Вот что он делал последние лет пять-шесть.

В субботу, когда работа кончалась, когда дома, в тепле, ждала жена, когда все в порядке и на душе хорошо и мирно, он выпивал стаканчик водки и ехал в трамвае на вокзал. Вокзал в городе огромный, вечно набит людьми. И есть там место, где курят, возле туалета. Там всегда – днем и ночью – полно, дым коромыслом, и галдеж стоит непрерывный. Туда-то и шел напрямик Николай Григорьевич. И там вступал в разговоры.

– Мужики, – прямо обращался он, – кто из деревни?

Таких всегда было много. Они-то в основном и толклись там – деревенские.

– Ну?.. – спрашивали его. – А что тебе?

– Хочу деревню подобрать на жительство. Нигде, может, кто в курсе, не требуются опытные складские работники? Я тридцать четыре года проработал в этой системе... – и Николай Григорьевич доверчиво, просто, с удовольствием и подробно рассказывал, что он сам – деревенский, давно оттуда уехал, работал всю жизнь на складах, а теперь, под старость, потянуло опять в деревню... И тут-то начиналось. Его как-то сразу прекрасно понимали с его тоской, соглашались, что да, сколько по городам ни околачивайся, а если ты деревенский, то рано или поздно в деревню снова потянет. Начинали предлагать деревни на выбор. Николай Григорьевич только успевал записывать адреса. Начинали шуметь. Спорили.

– Да уж ты со своей Вязовкой!..

– А ты знаешь ее? Чего ты сразу руками-то замахал?! Ты хоть раз бывал там?

– Вязовку-то? Да я ее как облупленную знаю, вашу Вязовку! Господи, Вязовка!.. У

Выбираю деревню на жительство. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru человека – к старости, желательно, чтоб природа...

– А при чем тут природа-то? – вступали другие. – Надо не от природы отталкиваться, а от работы. Я не знаю вашей Вязовки, но склад-то там есть? Человек же прежде всего насчет работы спрашивает.

– Нет, – говорил Николай Григорьевич, – желательно, чтоб и природа, конечно...

– Да в том-то и дело! Что он тебе, склад?! Склад, он и есть склад, теперь они везде есть. И если, например...

– Ну, вы тоже рассудили, – говорил какой-нибудь степенный, – только поорать. Ну – склад, они действительно везде теперь, а как, например, с жильем? У нас вон – и склад, и река, и озеро, а постройки страшно дорогие.

– Ну, сколь так? – вникал в подробности Николай Григорьевич.

– Это смотря что требуется.

– Ну, например, пятистенок... Добрый еще.

– С постройками?

– Ну да, баня, сарай для дров... Ну, навес какой-нибудь, завозня там – я построгать люблю в свободное время.

– Если, допустим, хороший пятистенок, – начинал соображать мужик, – банешка...

– Не развалюха, конечно, хорошая баня.

– Хорошая баня, сарай из горбыля, у нас в основном все сараи из горбыля идут, из отлета...

– Пилорама в деревне?

– Не в самой деревне, а на отделении.

– Ну, ну?

– Если все честь по чести, огород нормальный...

– Огород нам со старухой большой не надо.

– Ну, нормальный, их теперь больших-то и нету – нормальный, если все честь по чести, то будет так – три, три с половиной.

– Тыщи?! – изумлялся кто-нибудь.

– Нет, рубля, – огрызнулся степенный.

– Ну, это уж ты загнул. Таких и цен-то нету, – сомневались.

Сепенный вмиг утрачивал свою степенность.

– А чего ради загигать-то перед вами? Что я, свой дом, что ли, навяливаю? Я говорю как есть. Человек же спрашивает...

– А чего так? Несусветные какие-то цены. Что у вас там такое?

– Ничего, совхоз.

– Да а чего дорого-то? С ума, что ли, сошли там?

– Мы не сошли, сошли там, где постройки, я слышал, на дрова пускают. Вот там-то сошли. Это уж я тоже не понимаю...

– Это я слышал тоже. Рублей за триста, говорят, можно хороший дом взять.

- Выбираю деревню на жительство. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
- Ну, за триста не за триста...
 - А как твоя деревня называется? – записывал Николай Григорьевич.
 - Завалиха. Не деревня, село,
 - Это где?
 - А вот, если сейчас ехать... – и мужик подробно объяснял, где его село, как ехать туда.
 - Райцентр, что ли?
 - Был раньше райцентр, а потом, когда укрупняли районы, мы отошли к Красногорскому району, а у нас стала центральная усадьба.
 - Ну, есть, наверно, перевалочная база? – допрашивал Николай Григорьевич.
- Мужик послушно, очень подробно рассказывал. И был как будто рад, что его село заинтересовало человека больше, чем другие села и деревни. Со стороны наблюдали и испытывали нечто вроде ревности. И находили возможность подпортить важную минуту.
- Это ж что ж это за цены такие! Леса, наверно, нет близко?
 - А у вас какие? – нервничал мужик из дорогого села. – Ну скажи, сколько у вас добрый пятистенок станет? Только не ври.
 - Чего мне врать-то? Добрый пятистенок у нас... с постройками, со всем, с огородом
 - тыщи полторы-две.
 - Где это? – поворачивался в ту сторону Николай Григорьевич.
- И тогда тот, что перехватил интерес, начинал тоже подробно, долго объяснять, где его село, как называется река, почему у них мясо осенью...
- У меня вот свояк приезжал... как раз осенью тоже... Посмотрел. "Ну-у, – говорит, – у вас-то жить можно! Это, – говорит, – ты у нас иди сунься".
 - А откуда он?
 - За Уралом... Город Златоуст.
 - Что ж ты город-то суешь? Мы про сельскую жизнь говорим.
 - Он не из самого города, а близко к этому городу.
 - Да зачем же там где-то брать, человек про наши места интересуется! Это я тебе могу наказать: у меня свояк в Магадане вон...
 - Ну, едрена мать! Ты еще скажи – в Америке.
 - А при чем тут Америка-то?
 - А при чем Магадан?
 - Да при том, что – речь идет про сельскую местность, а ты куда-то в Златоуст полез! Чего ты в Златоуст-то полез?!
 - Тихо, тихо, – успокаивал Николай Григорьевич горячих селян. Странно, он становился здесь неким хозяином – на манер какого-нибудь вербовщика-работодателя в толпе ищущих. – Спокойно, мужики, – говорил Николай Григорьевич, – мы же не на базаре. Меня теперь интересует: сколько над уровнем моря твое село? – это вопрос к тому, в чьем селе дом-пятистенок стоит дешевле.
- Тот не знал. И никто не знал, сколько над уровнем моря их деревни и села.
- А зачем это?

Выбираю деревню на жительство. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

– Это очень важно, – пояснил Николай Григорьевич. – Для сердечно-сосудистой системы необходимо. Если место немного возвышенное – тоже нельзя: сразу скажется нехватка кислорода.

– Не замечали, – признавались мужики.

Но это – так, это Николай Григорьевич подпускал для пущей важности. Больше говорили про цены на постройки, на продукты, есть ли река в деревне или, может, озеро, далеко или близко лес... Потом переходили на людей – какие люди хорошие в деревне: приветливые, спокойные, не воруют, не кляузничают. И тут – незаметно для себя – начинали слегка врать друг другу. Это как-то само собой случилось, никто не преследовал никакой посторонней цели: один кто-нибудь начинал про своих людей, и уж тут другие не могли тоже умолчать, тоже рассказывали, но так, чтобы получалось, что у них – лучше.

– А у нас... обрати внимание: у нас, если баба пошла по воду, она никогда дом не запирает – зачем? Приткнет дверь палочкой, и все: сроду никто не зайдет. Уж на что цыганы – у нас их полно – и то не зайдут: мы их так приучили.

– Да кого!.. Вы вот возьмите: у нас один вор есть...

– Вор?!

– Вор! Мы все про него знаем, что он вор, он уже раз пять сидел за это дело. А у нас одна заслуженная учительница живет, орден имеет... И этот вор натурально пришел к ней и говорит: "Пусти пожить недели две". А он у нее учился когда-то... в первом классе, что ли. Он вообще-то детдомовский, а она, видно, работала там. Да. "Пусти, – говорит, – пару недель пожить, пока не определюсь куда-нибудь".

– Пустила?

– Пустила! Ну, думаем, и обчистит же он ее!.. Жалели даже старушку.

– Дело в том, что у них такой закон есть: где живешь, там не воруй.

– Да, да.

– Не обчистил?

– Не! Ни-ни, ни волоска не взял. Сдержался.

– Нет, это уж такой закон. Вот если бы взял... если бы он ее все же обокрал, ему бы там свои за это дело...

– Ни-чего не взял!

– Это странно все же... Плевали они на эти законы! Закон. У меня прошлый год стожок сена увезли, змеи ползучие...

– Ну-у это такие, что ли! Это уж... наш брат кто-нибудь, свои. На кой ему черт сено, урке?

Смеялись. Вспоминали еще случаи... Курили и курили без конца – накурено бывало так, что глаза слезились. А время, слава богу, шло: глядишь, и подойдет час ехать. Ждать на вокзале – это не самое милое из того, что нам приходится делать.

– А я как-то еду из района, – встревал в минуту затишья какой-нибудь расторопный, – гляжу, стоит бабка... ну, лет так восемьдесят – восемьдесят пять. Поднял руку, я остановился. "До Красного, сынок". До Красного шестьдесят пять километров. "Платить-то, – говорю, – есть чем?" – "Есть, ми-лай, есть". Ну, везу... – и рассказчик заранее поблескивает глазом. – Доехали до Красного. "Все, – говорю, – бабка, приехали. Плати". Она мне достает откуда-то из сумки... пять штук яиц!

Смех. Рассказчик доволен.

– "А раньше, – говорит, – брали. Мы, – говорит, – всегда яйцами расплачивались".

Выбираю деревню на жительство. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
– "ладно, – говорю, – иди, бабка".

Рассказчик непременно еще повторял не один раз, как он ей сказал, старухе: "Иди, – говорю, – бабка, иди. Иди, чего с тебя взять". Это надо понимать, что – вот и он тоже добрый человек. Вообще добрых, простодушных, бесхитростных, бескорыстных, как выяснялось на этих беседах, по деревням и селам – навалом, прохода нет от бесхитростных и бескорыстных. Да все такие, чего там! А если встречаются иногда склочные, злые, жадные, то это так – придурки.

Николай Григорьевич уже не записывал адреса, а слушал, поворачивался в разные стороны, смеялся тоже... И оттого, что он так охотно и радостно слушал, рассказывали – с радостью тоже – новые истории, где раскрывалось удивительное человеческое бескорыстие. Правда, нечаянно проскакивали случаи, где высывалась вдруг морда какого-нибудь завистника или обманщика, но это – пропускали, это не суть дела, это чепуха. Все молча соглашались, что это – чепуха, а миром движет разум и добро.

– Я седня гляжу: пиво продают. Отстоял в очереди – она мне наливает... А наливает – вот так вот не долила. Сунула под кран – и дальше. Я отошел и думаю: "У нас бы ей за такие дела спасибо не сказали".

Тут же соглашались, что – да, конечно... Люди торопятся, людей много, она этим пользуется, бесстыдница. Но, если так-то подумать – ну сколько уж она там не долила! Конечно, ей копейка так и набегает, но ведь, правда, и не умер же ты, что не допил там глоток-другой. А у ней тоже небось – семья...

Но вот уж чего не понимали деревенские в городе – это хамства. Это уж черт знает что, этому и объяснения-то как-то нету. Кричат друг на друга, злятся. Продащицу не спроси ни о чем, в конторах тоже, если чего не понял, лучше не переспрашивай: так глянут, так тебе ответят, что дай бог ноги. Тут, как наезжали на эту тему, мужики дружно галдели – не понимали, изумлялись... И Николай Григорьевич тоже со всеми вместе не понимал и изумлялся. Прижимал кого-нибудь к стене туалета и громко втолковывал и объяснял:

– Ведь почему и уехать-то хочу!.. Вот потому и хочу-то – терпенья больше нет никакого. Ты думаешь, я плохо живу?! Я живу, дай бог каждому! У меня двухкомнатная секция, мы только двое со старухой... Но – немоготу больше! Душу всю выворачивает такая жизнь!.. – Николай Григорьевич в эту минуту, когда кричал в лицо мужику, страдал вполне искренне, бил себя кулаком в грудь, только что не плакал... Но – и это поразительно – он вполне искренне забывал, что сам много кричит на складе, сам тоже ругается вовсю на шоферов, на грузчиков, к самому тоже не подступишься с вопросом каким. Это все как-то вдруг забывалось, а жила в душе обида, что хамят много, ругаются, кричат и оскорбляют. И отчетливо ясно было, что это не жизнь, пропади она пропадом такая жизнь, и двухкомнатная секция, лучше купить избу в деревне и дожить спокойно свои дни, дожить их достойно, по-человечески. Не хочется же оскотинеть здесь со всеми вместе, нельзя просто, мы ж люди! И дорого это было Николаю Григорьевичу вот эти слова про достоинство человеческое и про покой, и нужно, и больно, и сладко было кричать их... Иногда даже замолкали вокруг, а он один – в дыму этом, в запахах – говорил и кричал. Ему искренне сочувствовали, хотели помочь.

Так, выговорившись, с адресами в кармане Николай Григорьевич шел домой. Шел с вокзала всегда пешком – это четыре остановки. Отходил после большого волнения. Тихонько еще ныла душа, чувствовалась усталость. К концу пути Николай Григорьевич всегда сильно хотел есть.

Никуда он не собирался ехать, ни в какую деревню, ничего подобного в голове не держал, но не ходить на вокзал он уже не мог теперь – это стало потребностью. Пристыди его кто-нибудь, ну, старший сын, например, запрети ходить туда, запрети записывать эти адреса, говорить с мужиками... Да нет, как запретишь? Он бы крадучись стал ходить. Он теперь не мог без этого.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://shukshinvasiliy.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

Выбираю деревню на жительство. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!